

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
К Л А С С И К О В
ШКОЛЬНАЯ СЕРИЯ

СТ
Л-43
МЮЛЕРМОНТОВ

★
СТИХОТВОРЕНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
РУССКОЕЗЫКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

37508

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМ ДС 31 ЛИН
— ДЕТИША

КЛАССИКОВ
ШКОЛЬНАЯ СЕРИЯ

1945

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ Л-49

Л 49

СТИХОТВОРЕНИЯ

А. Чуба
~~Лермонтов~~

Проверено 1935 г.
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Проверено
1935 г.

Мель...

Сверкнул в его душе...

1945

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1938 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор А. Воронский.
Технический редактор Н. Н. Гарвей.

☆

ОГИЗ Х—О бу. № 201. Тираж 75 000

Усл.пом. Главлита, № Б-569

Формат бум. 72 x 94 в 1/2.

1 1/2 б. л. по 128000 зн.

Печат. с матриц

Заказ № 6123.

2 1/2 п. л.

✱

37508

1957-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар,
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... — он мучений
Последних вынести не мог:
Угас как светоч дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца ⁶ хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровню,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. из далека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!...

И он убит — и взят могилкой,
Как тот певец, неведомый, но милой,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный как и он безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных стра-
стей? —

Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок — они венец терновой,
Увитый лаврами, сделали на него:

Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шопотом насмешливых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.—

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленные: отцов,
Пятою рабскою поправшине обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона
Свободы, Гения и Славы палачи!
Танцуете вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!...
Но есть, есть божий суд, наперсники разврата!

Есть грозный судия: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословию:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смаете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

28 генваря 1837.

БОРОДИНО ?

(1837)

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана.
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!

Не даром помнит вся Россия
Про день Бородина!»

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плоск я, ам, сталась доля:
Немножко выжились с поля...
Не будь... господня воля,
Не от... Москвы.

Мы дождались, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют что ли командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут⁸.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Франсузы тут-как-тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат, мусью:
Что тут хитрить, пожалуй, к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоем мы головою,
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в такой безделке?
Мы ждали третий день.

Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,⁹
И слышно было до рассвета
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер¹⁰ чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
— И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий,
Французы двинулись как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут

Вам не видать таких сражений!
Носились знамена как тени,

Медведь

В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы.

ДУМА (1838)

Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомнения,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,

И жизнь уж нас томит, как розный путь без цели,

Как пир на празднике чужом.

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властью — презренные рабы.

Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей,
Едва касались мы до чаши наслажденья.
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой утворюю и скоро позабытой,
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда.
Прох прах наш, с строгостью судьи и гражданина,

Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

1-е ЯНВАРЯ.
(1840)

Как, часто, пестрою толпою окружон,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шопоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски.
Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки,—
Наружно погружаешь в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться,— памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;

Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листья
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей создание
С глазами полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За роцей первое сиянье.

Так царства дивного всеильный господин —
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно средь морей
Цветет на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник незваную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их,
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ (1840)

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,¹¹
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закалён в бою;
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя,
И возьмешь ружье.

Я седельце боевое
Шелком разошью..
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой..
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю..
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да, готовясь в бой опасный,
Помни мать свою..
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ (1840)

(Из Цедлица) ¹²

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И, молча, в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы и тайные мели,
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.¹³

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,

Оставил наследника-сына,
И старую гвардию он.

И только-что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба¹⁴ шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:

Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один —

Стоит он и тяжело вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок.

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

ПОСЛЕДНЕЕ НОВОСЕЛЬЕ

(1840)

Меж тем как Франция, среди рукоплесканий
И кликов радостных, встречает хладный прах
Погибшего давно среди немых страданий
В изгнании мрачном и цепях;
Меж тем как мир услужливой хвалою
Венчает позднего раскаянья порыв
И вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забыв, —
Негодование и чувству дав свободу,
Поняв тщеславие сих праздничных забот,
Мне хочется сказать великому народу:
Ты жалкий и пустой народ!
Ты жалок потому, что Вера, Слава, Гений,
Всё великое, священное земли,
С насмешкой глупою ребяческих сомнений
Тобой растоптано в пыли.
Из Славы сделал ты игрушку лицемерья,
Из вольности — орудье палача,
И все заветные, отцовские поверья
Ты им рубил, рубил с плеча;
Ты погибал! — и Он явился, с строгим взором,
Отмеченный божественным перстом,
И признан за вождя всеобщим приговором,
И ваша жизнь слилася в Нём;
И вы окрепли вновь в тени его державы,

И мир трепещущий в безмолвии взирал
На ризу чудную могущества и славы,
Которой вас Он одевал.

Один — Он был везде, холодный, неизменный,
Отец седых дружин, любимый сын молвы,
В стенах Египетских, у стен покорной Вены,
В снегах пылающей Москвы!

А вы что делали, скажите, в это время?
Когда в полях чужих Он гордо погибал,
Вы потрясали власть избранную как бремя?
Точили в темноте кинжал?

Среди последних битв, отчаянных усилий,
В испуге не поняв позора своего.
Как женщина ему вы изменили
И как рабы вы предали его.

Лишенный прав и места гражданина,
Разбитый свой венец Он снял и бросил сам,
И вам оставил Он в залог родного сына —
Вы сына выдали врагам!

Тогда, отяготив позорными цепями,
Героя увезли от плачущих дружин,
И на чужой Скале, за синими морями,
Забывтый, Он угас один —

Один, — замучен мщением бесплодным,
Безмолвною и гордою тоской —

И как простой солдат в плаще своем походном
Зарыт наемною рукой.

* * *

Но годы протекли, и ветреное племя
Кричит: «Подайте нам священный этот прах!
«Он наш! Его теперь, великой жатвы семя,
«Зароем мы в спасенных Им стенах!»

— И возвратился Он на родину; — безумно
Как прежде, вокруг Него теснятся и бегут,
И в пышный гроб, среди Столицы шумной,
Остатки тленные вносят.

Желанье позднее уже стало успехом!
И краткий свой восторг сменив уже другим,

37508
Красноярск

ПРЕВЕРЕНО
1944 г.

АУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМЗ ДЕТСКОЙ ИИИИИ

ОСТАВЛЕНА

Гулия топчет их с самодовольным смехом
Толпа, дрожавшая пред *Ним*.

* * *

И грустно мне, когда подумаю, что ныне
Нарушена святая тишина
Вокруг Того, Кто ждал в своей пустыне
Так жадно, столько лет спокойствия и сна!
И если Дух Вождя примчится на свиданье
С гробницей новою, где прах Его лежит,
Какое в Нем негодование
При этом виде закипит!
Как будет Он жалеть, печально томимый,
О знойном острове, под небом дальних стран,
Где сторожил Его, как Он непобедимый,
Как Он великий, Океан!

РОДИНА

(1841)

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
Но я люблю — за что не знаю сам? —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее подобные морям...
Просёлочным путем люблю скакать в телеге,
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о лючеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь желтой нивы
Чету белющих берёз.
С отрадой многим неизвестной
Я вижу полное гумно,

Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужиков.

(1841)

Прощай немытая Россия,¹⁵
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.
Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

СПОР.

(1841)

Как-то раз перед толпою
Соплеменных гор
У *Казбека с Шат-горю*¹⁶
Был великий спор.
«Берегись! сказал Казбеку
Седовласый Шат:
Покорился человеку
Ты недаром, брат!
Он настроит дымных келий
По уступам гор;
В глубине твоих ущелий
Загремит топор.
И железная лопата
В каменную грудь.
Добывая медь и золото,
Врежет страшный путь!
Уж проходят караваны
Через те скалы,
Где носились лишь туманы
Да цари-орлы.

Люди хитры! Хоть и труден
Первый был скачок,
Берегитесь! многолюден
И могуч Восток!»
— Не боюсь я Востока,
Отвечал Казбек,
Род людской там спит глубоко
Уж девятый век.
Посмотри: в тени чинары
Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин;
И склонясь в дыму кальяна ¹⁷
На цветной диван,
У жемчужного фонтана
Дремлет Тегеран. ¹⁸
Вот у ног Ерусалима,
Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вечно чуждый тени,
Моет желтый Нил ¹⁹
Раскалённые ступени
Царственных могил;
Бедуин забыл наезды
Для цветных шатров,
И поет, считая звезды,
Про дела отцов.
Все, что здесь доступно оку,
Спит, покой ценя..
Нет, не дряхлому Востоку
Покорить меня!—
«Не хвались еще заранее!
Молвил старый Шат:
Вот на Севере в тумане
Что-то видео, брат!»
Тайно был Казбек огромный
Вестью той смущен,

И, смутясь, на Север темный
Взоры кинул он.
И туда в недоуменье
Смотрит, полный дум;
Видит странное движенье,
Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая
Двигутся полки.
Веют белые султаны
Как степной ковыль,
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль.
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут;
Впереди несут знамены,
В барабаны бьют.
Батареи медным строем
Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
Фитили горят.
И испытанный трудами
Бури боевой
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.
Идут все полки могучи,
Шумны как поток,
Страшно-медленны как тучи
Прямо на восток.
И томим зловещей думой,
Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмой —
И не счел врагов...
Грустным взором он окинул
Племя гор своих,
Шапку на брови надвинул
И навек затих.

II. ЖИЗНЬ

АНГЕЛ

(1831)

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел,
И, месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песни святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,
О бже великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

ЖЕЛАНИЕ

(1831)

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,²⁰

Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

На древней стене их наследственный щит,
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом
И смахнул бы я тыль с них крылом;

И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробужден,
Как раздался, так смолкнул бы он.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но не здешний душой...
О! зачем я не ворон степной?..

(1831)

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу рано,
Мой ум немного совершит;
В душе моей как в океане
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? кто
Толпе мой расскажет думы?
Я — или бог — или никто! —

✓ ПАРУС

(1832)

Белест парус одинокий
В тумане моря голубом...
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы, он счастья не ищет,
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой.
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

(1836)

(Из Байрона)

Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!
Вот арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшись по ней,
Пробудят в струнах звуки рая.
И если не навек надежды рок унес,
Они в груди моей проснутся,
И если есть в очах застывших капля слез —
Они растают и прольются.

Пусть будет песнь твоя дика. — Как мой венец,
Мне тягостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слез хочу, певец,
Иль разорвется грудь от муки.
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно,
И грозный час настал — теперь она полна,
Как кубок смерти яда полный.

УЗНИК

(1837)

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня!
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустил...

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;
Только слышно: — за дверями
Звучномерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

И СКУЧНО, И ГРУСТНО

(1840)

И скучно, и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно

желать?..

А годы проходят — все лучшие годы!
Любить... но кого же?.. на время — не стоит
труда,

А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь?— там прошлого нет
и следа:

И радость, и муки, и все там ничтожно...
Что страсти?— ведь рано иль поздно их сладкий
недуг

Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как помотришь с холодным вниманьем
вокруг —

Такая пустая и глупая шутка...

БЛАГОДАРНОСТЬ

(1840)

За все, за все тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слёз, отраву поцелуя,
За мечь врагов и клевету друзей,
За жар души, растроченный в пустыне,
За все, чем я обманут в жизни.

Был — — —

Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

ПЛЕННЫЙ РЫЦАРЬ ²¹

(1840)

Молча сижу под окошком темницы;
Сиднее небо отсюда мне видно:
В небе играют всё вольные птицы;
Глядя на них, мне и больно и стыдно.

* * *

Нет на устах моих грешной молитвы,
Нет у ни песни во славу любезной:
Помню я только старинные битвы,
Меч мой тяжелый да панцырь железный.

* * *

В каменный панцырь я ныне закован
Каменный шлем мою голову давит,

Щит мой от стрел и меча заколдован,
Конь мой бежит, и никто им не правит.

* * *

Быстрое время — мой конь неизменный,
Шлема забрало — решотка бойницы,
Каменный панцырь — высокие стены,
Щит мой — чугунные двери темницы.

* * *

ЧМись же быстрее, летучее время!
Душно под новой броней мне стало!
Смерть, как приедем, поддержит мне стремя;
Слезу и сдерну с лица я забрало.

ИЗ АЛЬБОМА

С. Н. Карамзиной.

(1840)

Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.

Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязной
И оглушающий язык.

Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поутру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор.

Люблю я разговоры ваши
И ха-ха-ха! и хи-хи-хи!
Смирновой штучки, фарсы Саши
И Ишки Мятлева стихи.

ВОЛЯ

(1831)

Моя мать — злая кручина,
Отцом же была мне — сульбица;

Мои братья, хоть люди,
Не хотят к моей груди
Прижаться;
Им стыдно со мною,
С бедным сиротою,
Обняться! —
Но мне богом дана
Молодая жена,
Воля-бюлюшка,
Вольность милая,
Несравненная;
С ней нашлись другие у меня
Мать, отец и семья;
А моя мать — степь широкая,
А мой отец — небо далекое;
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали;
Мои братья в лесах —
— Берёзы да сосны. —

Несусь ли я на коне, —
Степь отвечает мне!
Брожу ли поздней порой —
— Небо светит мне луной!
Мои братья, в летний день,
Призывая под тень,
Машут издали руками,
Кивают мне головами;
И вольность мне гнездо сила
Как мир — необ'ятное! —

ЖЕЛАНЬЕ

(1831)

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черюглазую девицу,
Черюгривого коня.

Дайте раз по синю полю
Проскакать на том коне;
Дайте раз на жизнь и волю,
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне.

Дайте мне челнок досчатый
С полустгнившею скамьей,
Парус серый и косматый,
Ознакомленный с грозой.
Я тогда пущусь в море
Беззаботен и один,
Разгуляюсь на просторе
И потешусь в буйном споре
С дикой прихотью пучин.

Дайте мне дворец высокой
И кругом зеленый сад,
Чтоб в тени его широкой
Зрел янтарный виноград;
Чтоб фонтан не умолкая
В зале мраморном журчал
И меня б в мечтаньях рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплял и пробуждал...

ЗАВЕЩАНИЕ

(1831)

(Из Гёте) ²²

1

Есть место: близ тропы глухой
В лесу пустынном, средь поляны,
Где выются вечером туманы,
Осеребренные луной...
Мой друг! ты знаешь ту поляну; —
Там труп мой хладный ты зарой,
Когда дышать я перестану! —

Могиле той не откажи
 Ни в чем, последуя закону;
 Поставь над нею крест из клёну,
 И дикий камень положи;
 Когда гроза тот лес встревожит,
 Мой крест пришельца привлечет;
 И добрый человек, быть может,
 На диком камне отдохнет.—

ЗАВЕЩАНИЕ

(1840)

Наедине с тобою, брат,
 Хотел бы я побыть:
 На свете мало, говорят,
 Мне остается жить!
 Поедешь скоро ты домой:
 Смотри ж... Да что? моей судьбой,
 Сказать по правде, очень
 Никто не юзабочен.

А если спросит кто-нибудь...
 Ну, кто бы ни спросил,
 Скажи им, что навьлет в грудь
 Я пулей ранен был;
 Что умер честно за царя,
 Что плохи наши лекаря,
 И что родному краю
 Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
 Застанешь ты в живых...
 Признаться, право, было б жаль
 Мне опечалить их;
 Но если кто из них и жив,
 Скажи, что я писать ленив,
 Что полк в поход послали,
 И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... все равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалея:
Пусть она поплачет...
Ей ничего не значит!

III. ПОЭЗИЯ

ПОЭТ

(1838)

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал,—
Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным;
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Терекком отважным казаком
На хладном трупе господина
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножен, избитых на войне,
Лишен героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на стене,
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает.—

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,

На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговеньи?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился над толпой
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык,
Нас тешат блёстки и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны.

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк!
Иль никогда, на голос мщенья,
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?..

НЕ ВЕРЬ СЕБЕ

(1839)

Que nous font après tout les vulgaires
abois
De tous ces charlatans qui donnent de
la voix,
Les marchands de pathos et les fai-
seurs d'emphase
Et tous les baladins qui dansent sur
la phrase?
A. Barbier. x

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы бойся вдохновенья...
Оно — тяжелый бред души твоей больной,
Иль пленной мысли раздраженье.
В нем признака небес напрасно не ищи:
— То кровь кипит, то сил избыток!

Скорее жизнь свою в заботах истощи,
Разлей отравленный напиток!

Случится ли тебе в заветный, чудный миг
Открыть в душе давно-безмолвной
Еще неведомый и девственный родник,
Простых и сладких звуков полинь,—
Не вслушивайся в них, не предавайся им,
Набрось на них покров забвенья:
Стихом размеренным и словом ледяным
Не передашь ты их значенья.

Закрадется ль печаль в тайник души твоей,
Зайдет ли страсть с грозой и выгою,—
Не выходи тогда на шумный пир людей
С своею бешеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
То гневом, то тоской послушной,
И гной душевных ран надменно выставлять
На диво черни простодушной.

Какое дело нам, страдал ты или нет?
На что нам знать твои волненья,
Надежды глупые первоначальных лет,
Рассудка злые сожаленья?
Взгляни: перед тобой играючи идет
Толпа дорогою привычной;
На лицах праздничных чуть виден след забот,
Слезы не встретишь неприличной.

А между тем из них едва ли есть один,
Тяжелой пыткой неизмятый,
До преждевременных добравшийся морщин
Без преступления иль утраты!..
Поверь: для них смехом твой плач и твой укор
С своим напевом заучённым,
Как разрумяненный трагический актёр,
Махающий мечом картонным.

ЖУРНАЛИСТ, ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ

(1840)

(Комната писателя, опущенные шторы. Он сидит в больших креслах перед камином; читатель с сигарой стоит спиной к камину. Журналист входит).

Les poètes ressemblent aux ours, qui
se nourrissent en suçant leur patte

Inédit. 23

Журналист

Я очень рад, что вы больны.
В заботах жизни, в шуме света
Теряет скоро ум поэта
Свои божественные сны.
Среди различных впечатлений
На мелочь душу разменяв,
Он гибнет жертвой общих мнений!
Когда ему в пылу забав
Обдумать зрелое творенье?
Зато, какая благодать,
Коль небо вздумает послать
Ему изгнанье, заточенье,
Иль даже долгую болезнь:
Тотчас в его уединенье
Раздастся сладостная песнь!
Порой влюбляется он страстно
В свою нарядную печаль.....
.. Ну, что вы пишете? — вельзя ль
Узнать?

Писатель

Да ничего...

Журналист

Напрасно!

Писатель

О чем писать? — восток и юг
Давно описаны, воспеты;

Толпу ругали все поэты,
Хвалили все семейный круг;
Все в небеса неслись душою.
Взывали, с тайною мольбою,
К N. N., неведомой красе,—
И страшно надоели все.

Ч и т а т е л ь

И я скажу— нужна отвага,
Чтобы открыть, хоть ваш журнал
(Он мне уж руки обломал)
— Во-первых: серая бумага!
Она быть может и чиста;
Да как-то страшно без перчаток!..
Читаешь — сотни опечаток!
Стихи — такая пустота;
Слова без смысла, чувства нету,
Натянут каждый оборот;
Притом — сказать ли по секрету?—
И в рифмах часто недочёт.
Возьмёшь ли прозу?— перевод.
А если вам и попадутся
Рассказы на родимый лад —
То верно над Москвой смеются
Или чиновников бранят.
С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышат?
А если и случалось им,
Так мы их слышать не хотим!—
Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный?

Ж у р н а л и с т

Я точно то ж говорю;
Как вы открыто негодуя
На музу русскую смотрю я.
Прочтите критику моего.

Читатель

Читал я.— Мелкие нападки
На шрифт, виньетки, опечатки,
Намеки тонкие на то,
Чего не ведает никто.
Хотя б забавно было свету! —
В чернилах ваших, господа,
И желчи едкой даже нету,
А просто грязная вода.

Журналист

И с этим надо согласиться.
Но верьте мне, душевно рад
Я был бы вовсе не браниться —
Да как же быть?... меня бранят?
Войдите в наше положенье!
Читает нас и низший круг;
Нагая резкость выраженья
Не всякий оскорбляет слух;
Приличье, вкус — все так условно:
А деньги все ведь платят ровню! —
Поверьте мне: судьбою несть
Даны нам тяжкие вериги;
Скажите, какого прочесть
Весь этот вздор, все эти книги...
И всё зачем? — чтоб вам сказать,
Что их ненадобно читать!..

Читатель

Зато какое наслажденье,
Как отдыхает ум и грудь,
Коль попадетя как-нибудь
Живое, свежее творенье.
Вот например приятель мой:
Владеет он изрядным слогом,
И чувств и мыслей полнотой
Он одарен всевышним богом.

Журналист

Все это так. — Да вот беда:
Не пишут эти господа.

Писатель

О чем писать?— бывает время,
Когда забот спадает бремя,
Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердце полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна во след другой
Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва;
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг нискутся слова.
Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.
Но эти страшные теоренья
Читает дома он один,
И ими после без зазренья
Он затопляет свой камин.
Ужель ребяческие чувства,
Воздушный, безотчетный бред
Достойны строгого искусства?
Их осмеет, забудет свет...

Бывают тягостные ночи:
Без сна, горят и плачут очи,
На сердце жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую об'емлет;
Невольный страх власы под'емлет
Болезненный, безумный крик
Из груди рвется— и язык
Лепечет громко без сознанья
Давно забытые названья;
Давно забытые черты
В сияны прежней красоты
Рисует память своевольно:
В очах любовь, в устах обман—

И веришь снова им невольно,
И как-то весело и больно
Тревожить язвы старых ран.—
Тогда пишу.— Диктует совесть,
Пером сердитый водит ум:
То соблазнительная повесть
Сокрытых дел и тайных дум;
Картины хладные разврата,
Преданья глупых юных дней,
Давно без пользы и возврата
Погибших в омуте страстей,
Средь битв незримых, по упорных,
Среди обманщиц и кевежд,
Среди сомнений ложно-черных,
И ложно-радужных надежд.
Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток...
Но, право, этих горьких строк
Неприготовленному взору
Я не решусь показать...
Скажите ж мне, о чем писать?..
К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь?
Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?
Чтоб тайный яд страницы знойной
Смутил ребенка сон покойной
И сердце слабое увлѣк
В свой необузданный поток?
О нет!— преступною мечтою
Не ослепляя мысль мою,
Такой тяжелою ценою
Я вашей славы не куплю.

ПРОРОК

(1841)

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу
Как птицы, даром божьей пищи;

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкой самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм и худ и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

IV. ЛЮБОВЬ

НИЩИЙ

(1830)

У врат обители святой
Стоял просящий подаюня
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!—

РУСАЛКА

(1836)

1

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

2

И шумя и крутясь колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела русалка — и звук ее слов
Долетал до кругых берегов.

3

И пела русалка: «на дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок золотые гуляют стада,
Там хрустальные есть города;

4

И там на подушке из ярких песков
Под тенью густых тростников
Спит витязь, добыча ревнивой волны,
Спит витязь чужой стороны...

5

Расчесывать кольца шелковых кудрей
Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы в полуденный час
Целовали красавца не раз;

6

Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем,
Остается он хладен и нем,
Он спит,— и склонившись на перси ко мне,
Он не дышит, не шепчет во сне».

7

Так пела русалка над сильней рекой
Полна непонятной тоской;
И шумно катясь колебала река
Отраженные в ней облака.

КИНЖАЛ

(1837)

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на мечь тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.

Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза — жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мне,
Исполнены таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.

Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный;
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

МОЛИТВА

(1837)

Я, мать божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью, иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.

Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей солутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
Ты воспринять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

ОТЧЕГО

(1840)

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гонещье.

За каждый светлый день, иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.

ЛЮБОВЬ МЕРТВЕЦА

(1840)

Пускай холодною землею
Засыпан я,
О друг! всегда, везде с тобою
Душа моя.
Любви безумного томленья,
Жилец могил,
В стране покоя и забвенья
Я не забыл.

Без страха в час последней муки
Покинув свет,
Отрады ждал я от разлуки —
Разлуки нет.
Я видел прелесть бестелесных,
И тосковал,
Чтоб образ твой в чертах небесных
Не узнавал.

Что мне сиянье божьей власти
И рай святой?
Я перенес земные страсти
Туда с собой.
Ласкаю я мечту родную
Везде одну;
Желаю, плачу, и ревную
Как встарину.

Коснется ль чуждое дыханье
Твоих ланит.
Моя душа в немом страданье
Вся задрожит.
Случится ль, шепчешь засыпая
Ты о другом,

Твои слова текут пылая
По мне огнем.

Ты не должна любить друга,
Нет, не должна,
Ты мертвецу, слятыней слога,
Обручена.
Увы, твоей страх, твои моления
К чему мне?
Ты знаешь, мира и забвенья
Не надо мне!

(1841)

Из-под таинственной, холодной полумаски
Звучал мне голос твой отрадный, как мечта,
Светили мне твои пленительные глазки,
И улыбались лукавые уста.

Сквозь дымку легкую заметил я невольню
И девственных ланит и шеи белизну.
Счастливец, видел я и локон своевольный,
Родных кудрей покинувший волну!..

У создат я тогда в моем воображеньи
По легким признакам красавицу мою;
И с той поры бесплотное виденье
Ношу в душе моей, ласкаю и люблю.

И все мне кажется: живые эти речи
В года минувшие слышал когда-то я;
И кто-то шепчет мне, что после этой встречи
Мы вновь увидимся, как старые друзья.

СОН

(1841)

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;

Глубокая еще дымилась рана;
По капле кровь точилась моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир, в родимой стороне.
Меж юных жем, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди дымясь чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

(1841)

Sie liebten sich beide, doch keiner
Wollt'es dem Andern gestehn.

Heine. 25

Они любили друг друга так долго и нежно,
С тоской глубокой и страстью безумно-мятеж-
ной!

Но как враги избегали признанья и встречи,
И были пусты и хладны их краткие речи.
Они расстались в безмолвном и гордом стра-
данье,

И милый образ во сне лишь порою видали.—
И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не узнали.

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

(1841)

В море царевич купает коня;
Слышит: «царевич! взгляни на меня!»

Фыркает конь и ушами прядет.
Брызжет и плещет и дале плывет.

Слышит царевич: «я царская дочь!
Хочешь провести ты с царевною ночь?»

Вот показалась рука из воды,
Ловит за кисти шелковой узды.

Вышла младая потом голова;
В косу вплелася морская трава.

Синие очи любовью горят;
Брызги на шее как жемчуг дрожат.

Мыслит царевич: «добро же! постой!»
За косу ловко схватил он рукой.

Держит, рука боевая сильна:
Плачет и молит и бьется юна.

К берегу витязь отважно плывет;
Выплыл; товарищей громко зовет.

«Эй вы! сходитесь, лихие друзья!
Гляньте, как бьется добыча моя...

«Что ж вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?»

Вот оглянулся царевич назад:
Ахнул! померк торжествующий взгляд.

Видит, лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом:

Хвост чешуею змеиной покрыт,
Весь замирая, свиваясь, дрожит;

Пена струями сбегает с чела,
Очи одеда смертельная мгла.

Бледные руки хватают песок;
Шепчут уста непонятный упрек...

Едет царевич задумчиво прочь.
Будет он помнить про царскую дочь!

ТАМАРА, 26

(1841)

В глубокой теснине Дарьяла, 27
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.

В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила;
Прекрасна как ангел небесный,
Как демон коварна и зла.

И там сквозь туман полуночи
Блистал огонёк золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил их на отдых ночной.

И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всеильные чары,
Была непонятная власть.

На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух:

Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный Евнух.

На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчуг убрана,
Ждала она гостя.— Шидели
Пред нею два кубка вина.

Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавалися там.

Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жем
Сошлись на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.

Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.

Лишь Терек в теснине Дарьяла
Гремя нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;

И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.

И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

СВИДАНЬЕ

(1841)

1

Уж за горой дремучею
Погас вечерний луч,
Едва струей гремучею
Сверкает жаркий ключ;
Сады благоуханием
Наполнились живым,
Тифлис об'ят молчанием,
В ущельи мгла и дым.
Летают сны мучители
Над грешными людьми,
И ангелы хранители
Беседуют с детьми.

2

Там за твердыней старою
На сумрачной горе
Под свежею чинарою
Лежу я на ковре.
Лежу один и думаю:
Ужели не во сне
Свиданье в ночь угрюмую
Назначила ты мне?
И в этот час таинственный,
Но сладкий для любви,
Тебя, мой друг единственный,
Зовут мечты мои.

3

Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горят,
И колокольни черные
Как сторожи стоят;
И поступью несмелою
Из бань со всех сторон
Выходят цепью белою
Четы грузинских жен;

Вот улцей пустынною
Бредут, едва скользят...
Но под чадрою длинною
Тебя узнать нельзя!..

4

Твой домик с крышей гладкою
Мне виден вдалеке;
Крыльцо с ступенью шаткою
Купается в реке;
Среди прохлады веющей
Над синею *Гурой*.²³
Он сетью зеленеющей
Опутан плющевой;
За тополью высокою
Я вижу там окно...
Но свечкой одинокою
Не светится оно!

5

Я жду. В недоумении
Напрасно бродит взор:
Книжкой в нетерпении
Изрезал я ковер;
Я жду с тоской бесплодною,
Мне грустно, тяжело...
Вот сыростью холодною
С востока понесло,
Краснеют за туманами
Седых вершин зубцы,
Выходят с караванами
Из города купцы...

6

Прочь, прочь, слеза позорная,
Кипи, душа моя!
Твоя измена черная
Понятна мне, змея!
Я знаю, чем утешенный
По звонкой мостовой

Вчера скакал как Сешеный
Татарин молодой.
Недаром он красуется
Перед твоим окном,
И твой отец лобуется
Персидским жеребцом.

7

Возьму винтовку длинную,
Пойду я из ворот:
Там под скалою пустынною
Есть узкий поворот.
До полдня, за могильною
Часовней подожду
И на дорогу пыльную
Винтовку наведу.
Напрасно грудь кольщется!
Я лег между камней;
Чу! близкий топот слышится.....
А! это ты, злодей!—

(1841)

1

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

2

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором*
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

3

Я говорю с подругой юных дней;
В твоих чертах ищу черты другие;
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

V. ПРИРОДА

(1837)

1

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зелёного листка;

2

Когда, росой обрызганный душистой,
Румяным вечером, иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

3

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он;

4

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога!....

ТРИ ПАЛЬМЫ

(1839)

(Восточное сказанье)

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча пробивался волною холодной,

Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и легучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студёной
Еще не склонялся под кущей зелёной,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли — в дали голубой .
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонок раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые выюки,
И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твердых горбов
Узорные помы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И черные очи оттуда сверкали...
И, стан художавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный стрелой:
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копьё па-скаку.

Бот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой головою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студёный ручей.

Но только-что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетний!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнём.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солище остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне все дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Наврасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

ДАРЫ ТЕРЕКА

(1839)

Терек воеет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид,
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:

«Расступись, о старец-море,
Дай приют моей волне!
Поголяя я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял,
И валунов им, на славу,
Стадо целое пригнал».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий стихнул, будто спит,
И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит:

«Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец,²⁹
Кабардинец удалой.
Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана³⁰ стих священный
Писан золотом на них.
Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный,
Полон старою враждой;
По затылку чуб заветный
Бьется черною космой».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит;
И, волнуясь, буйный Терек
Старцу снова говорит:

«Слушай, дядя: дар бесценный!
Что другие все дары?
Но его от всей вселенной
Я таил до сей поры.
Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косою.
Грустен лик ее туманный
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит.
По красотке-молодице
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседдал он вороного,
И в горах, в ночном бою,
На кипжал чеченца злого,
Сложит голову свою».

Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косою размытой,
Колыхаяся, всплыла.

И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.

Он взыграл, веселья полный —
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.

сосна.
(1840)

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна

И дремлет качаясь, и снегом сыпущим
Одета как ризой она.

И снится ей все, что в пустыне далекой
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

У
ТУЧИ
(1840)

Тучки небесные, вечные странники.
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанныки
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно-холодные, вечно-свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.
Апрель 1840.

УТЕС
(1841)

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.

(1841)

Дубовый листок оторвался от ветки родимой,
И в степь укатился жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя;
И вот наконец докатился до Черного Моря.

У Черного Моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви ласкает;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижмется у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой
И так говорит он: я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету пошуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих изумруд-
ных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных.

На что мне тебя? отвечает младая чинара,
Ты пылен и желт,— и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима; цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе;
И корни мои умывает холодное море.

(1841)

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

2

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

3

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть! —

4

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыща вздымалась тихо грудь;

5

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленя
Темный дуб склонялся и шумел.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гладиатор — цирковой борец в Риме; обычно гладиаторами выступали или военнопленные, или рабы.

² «Я вижу лежащего передо мною гладиатора» — Байрон. Байрон (1788 — 1824) английский поэт-романтик; его известнейшие произведения: «Дон-Жуан», «Чайльд-Гарольд», «Каин», «Манфред».

³ Применительно к римской жизни поэт под временщиком, вероятно, понимает диктатора, выбиравшегося у римлян временно, на шесть месяцев, в моменты большой опасности для государства.

⁴ Сенатор — член верховного учреждения в Риме — сената.

⁵ Стихотворение «Смерть поэта» посвящено смерти А. С. Пушкина, убитого на дуэли 29 января 1837 года; за это стихотворение, вернее за вторую его половину, Лермонтов подвергся ссылке на Кавказ.

⁶ Убийца Пушкина — Дантес, приемный сын голландского посланника Геккерена.

⁷ Бородино — село Московской губернии, Можайского уезда; здесь было знаменитое Бородинское сражение между французами (Наполеон) и русскими (Кутузов) 24 — 26 августа 1812 года.

⁸ Редут — земляное укрепление.

⁹ Лафет — станок, на котором укрепляется орудие.

¹⁰ Кивер — военный головной убор.

¹¹ Терек — река на Кавказе, впадающая в Каспийское море.

¹² Цедлиц — немецкий поэт первой половины XIX века.

¹³ Французский император Наполеон I, заключенный на пустынный скалистый остров Св. Елены в 1815 году, где он и скончался в 1821 году.

¹⁴ Эльба — река в Германии.

¹⁵ Стихотворение написано перед отъездом Лермонтова на Кавказ.

¹⁶ Казбек и Шат — крупнейшие вершины Кавказского хребта.

¹⁷ Кальян — восточный прибор для курения, пропускающий табачный дым через воду.

18 Тегеран — столица Персии.

19 Нил — река в Египте.

20 Предки Лермонтова были шотландцы по происхождению.

21 Под рыцарем в этом стихотворении Лермонтов рисует самого себя, когда он сидел под арестом за дуэль свою с Барандтом.

22 Гёте (1749—1832) — великий немецкий поэт, автор знаменитого произведения «Фауст».

23 «Что нам в конце концов дают пошлые крики всех этих кричащих шарлатанов, продавцов нафоса и позеров и всех болтунов, играющих словами». — А. Барбье (1805—1882) — французский поэт.

24 «Поэты подобны медведям, сосущим свои лапы» — Невинданное.

25 «Они любили друг друга, но каждый упорно молчал» — Гейне. Гейне (1797—1856) — знаменитый немецкий поэт.

26 Тамара — полупоэтичная грузинская царица, заманивавшая в свой замок своих возлюбленных и убивавшая их по истечении ночи.

27 Дарьял — Дарьяльское ущелье в Кавказских горах.

28 Кура — река на Кавказе, впадающая в Каспийское море.

29 Кабардинцы — один из горских народов Кавказа.

30 Коран — священная книга мусульман, в которой изложено учение пророка Магомета.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

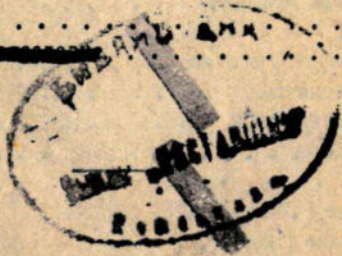
I. Социально-политические темы

Умиравший гладиатор	3
Смерть поэта	4
<u>Бородино</u>	5
Дума	9
1-е января	11
Казачья колыбельная песня	12
<u>Воздушный корабль</u>	13
Последнее новоселье	16
Родина	17
Прощай, немытая Россия	19
Спор	19

II. Жизнь

Ангел	22
Желание	22
Нет, я не Байрон	23
Парус	24
Еврейская мелодия	24
Узник	25
И скучно, и грустно	25
Благодарность	26
Пленный рыцарь	26
Из альбома	27
Воля	27
Желанье	28
Завещание (1831)	29
Завещание (1840)	30

III. П о э з и я	
Поэт	32
Не верь себе	33
Журналист, читатель и писатель	35
Пророк	40
IV. Л ю б о в ь	
Нищий	41
Русалка	41
Кинжал	42
Молитва	43
Отчего	43
Любовь мертвеца	44
Из-под таинственной, холодной полумаски	45
Сон	45
Они любили друг друга так долго и нежно	46
Морская царевна	47
Тамара	48
Свиданье	50
Нет, не тебя так пылко я люблю	52
V. П р и р о д а.	
Когда волнуется желтеющая нива	53
Три пальмы	53
Дары Терека	55
На севере диком стоит одиноко	57
Тучи	58
Утес	58
Дубовый листок оторвался от ветки родимой	59
Выхожу один я на дорогу	59
Примечания	61
В. И. Иванов	

Иванов

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Коллч. предм. выдч _____

№ 1158

35

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА:
Москва — центр, ул. 25 Октября, 10
СВЯТАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ:
Москва 9, — 1-й Колодецкий пер., 13
Свято-Савва